

Вячеспак Нови-Коов

Шумел сурово Брянский лес...

Рассказы о партизанах

2002г.

Прорыв

Они дошли до узкоколейки. Здесь пути их расходились. Федька возвращался в отряд, чтобы доложить о том, что в Безлюдовке, как и ожидалось, немцев не оказалось. Сашке же предстояло еще идти в Клетню, к Захарычу, который до войны был фельдшером и которого по возрасту и инвалидности оставили для работы в подполье. Вернуться в распоряжение отряда было приказано на следующее утро, к началу намеченного прорыва для соединения с Кузнецовым.

Попрощавшись с товарищем, Сашка быстро зашагал по шпалам. До Серебряковки немцев можно было не бояться: глухомань здесь была страшная, а сама узкоколейка, начинавшаяся в Клетне, заканчивалась в Задне, где до войны валили лес и где ничего, кроме названия, не было. Дорогой этой поэтому немцы не пользовались и лес вдоль нее вырубать не стали. Идти можно смело даже и после Серебряковки, но вот после Косновского моста, ближе к Офицерской роще, нужно держать ухо востро.

Сашка торопился как мог, преодолевая головокружение и то и дело подступавшую тошноту. «Пожрать бы чего, - подумал он, - да и поспать не мешало бы. А тут еще и жара такая, хоть лето только начинается...Ох, не свалиться бы...»

Вот и Косновский мост. Сашка спустился по насыпи вниз к реке, чтобы припрятать в кустах шмайсер. Сквозь заросли ивняка он заметил, как что-то блеснуло на солнце. Подкравшись поближе, Сашка увидел брошенные на берегу велосипеды. «Diamant, - прочитал он на руле одного из них. – Да, лисопеты немчура делать научилась, ничего не скажешь.» Такой же «Diamant» был у командира отряда. Ход у него был мягкий, можно было хоть по кочкам ездить, тормоза - и сзади, и спереди, а на руле фонарь, работавший от динамо-машины. Особенно добротно были сделаны педали – они не были просто «забиты на конус», как на советских велосипедах, а прикручены винтами.

Из-за поворота реки, оттуда, где начинался плес, слышалась гортанная речь. «Должно быть, фрицы раков ловят. - подумал Сашка. – Надо отсюда ходу, а то не успею к Захарычу». «Хендехох!», - раздался позади окрик. Сашка медленно поднял руки вверх и осторожно, всем корпусом, развернулся. Перед собой он увидел ствол направленной на него винтовки и громадного немца, раздетого по пояс.. «Налитой, сука, как тот упырь, - подумал Сашка, заморожено глядя на тугой живот фашиста, нависавший над ремнем упругим шматом сала, - как я его не услышал?» Используя испытанный еще в школьные годы прием, он посмотрел за спину немцу и кивнул головой, как бы подавая знак подкравшемуся сзади товарищу. Немец инстинктивно оглянулся назад. Сашка, ухватившись рукой за ствол, изо всех сил ударил немца в пах носком сапога. Немец охнул и отпустил винтовку. Затем быстро оправился и, как медведь, двинулся на Сашку. «Только бы не захватил за шею – тогда кранты», - подумал Сашка. Он едва успел выдернуть из голенища нож...

Сашка решил идти какое-то время по реке – на случай, если немцы скоро хватятся и пустят по следу овчарок. Ноги увязали в мелком песке. Чтобы как-то

приободриться, Сашка стал напевать песенку, которой научил его батя, когда вернулся со строительства Беломорканала: «Течет речечка, по песочечку, моет золотишко...» Вскоре, однако, он стал задыхаться. Лес закружился вокруг зеленым хороводом. Сашка опустил на колени. Даже через холодную воду в пригоршнях он почувствовал жар своего лица. «Пил я воду ту холодную, пил – не напивался... Эх, так я до Захарыча не дотяну...» Идти дальше Сашка не мог. Покачиваясь, он вышел на берег, забрался поглубже в малинник и рухнул на землю. Забылся он мгновенно...

Проснулся Сашка от лая собаки. Сквозь кусты он увидел трех автоматчиков, один из которых едва удерживал на длинном поводке беснующегося зверя. «Хорошо, что шмайсер при себе оставил», - порадовался Сашка и прицелился в немца, который подошел ближе всех...

Уходил он через болото, преследуемый уже не лаем, а визгом овчарки. Вскоре он должен был выйти к летному полю, которое использовалось летом сельхозавиацией. «Начальником аэродрома» был старик Ефимыч. До войны его главная функция заключалась в том, чтобы подтверждать по рации пилотам при посадке, что на поле нет коров. Если же коровы находились на поле, он кричал что есть сил в рацию: «Посадку запрещаю – на поле коровы!», после чего прогонял коров и разрешал посадку. «Может, покормит Ефимыч, - мечтал Сашка, - а то не дотяну до Захарыча...»

Принеся вареных картох, огурцов и луку, Ефимыч посоветовал Сашке «поотдыхать» на сеновале до сумерек. Сашка отказываться не стал, но заснуть не смог: сильно стучало в висках...

Услышав рокот моторов, он посмотрел через щель в сарае и увидел двух мотоциклистов и перепуганного Ефимыча, который рукой показывал на сеновал. «Эх, Ефимыч, Ефимыч», - с досадой подумал Сашка и потянулся за автоматом...

Можно надеяться, что теперь, на мотоцикле и в вермахтовской форме, он сможет быстро подъехать хотя бы к окраине Клетни. Скоро уже железнодорожный переезд, вот за этим поворотом. Сашка резко нажал на тормоз, чтобы не наехать на автомобиль, стоявший перед опущенным шлагбаумом. Рядом с автомобилем стоял офицер со скучным лицом и курил сигарету с мундштуком. В сторонке вели беседу несколько спешившихся мотоциклистов. Офицер что-то сказал Сашке. Тот сделал вид, что не расслышал и стал внимательно рассматривать свечу зажигания. Из всего немецкого, который он учил в школе, он хорошо запомнил только одно слово – дер федергальтер. Что-то подсказывало ему, что слово это ему сейчас не поможет. Офицер отбросил сигарету и опять что-то спросил, на этот раз громче. «Я, я, - ответил Сашка и, показывая пальцем на свечу, наконец решил идти ва-банк, - дер федергальтер». Офицер прореагировал очень энергично: стал кричать и приближаться, выдергивая на ходу из кобуры пистолет. Не раздумывая более, Сашка до отказа выжал газ и направил мотоцикл через рельсы прямо перед несущимся во весь опор паровозом...

Мотоцикл быстро катился по укатанной тропинке через ольховник. Сквозь ветки деревьев Сашка увидел заливной луг, изгиб реки и мощный дуб, к которому дети раньше привязывали «тарзанку», чтобы прыгать в воду. На краю ольховника нужно будет избавиться от мотоцикла, формы, да и от шмайсера. А оттуда до Захарыча будет рукой подать...

Подползя к железнодорожному полотну, Сашка замер. Хотя и было уже почти темно, рисковать он не хотел. Послышался стук приближающегося эшелона. На другой стороне насыпи Сашка различил цистерны с горючим, стоявшие на запасном пути. «А, - подумал он, - чем черт не шутит, авось получится, заодно внимание фрицев отвлеку, пока к Захарычу пробираться буду.» Он достал из вещмешка противотанковую гранату, положил ее под рельсу, выдернул чеку и кубарем скатился вниз по насыпи...

Ну, вот и парк культуры, куда он бегал на танцы. Немцев можно было не опасаться: все устремились на станцию, над которой в полнеба высилось зарево пожара. Осталось пройти через парк, потом футбольное поле и... «Хальт! - раздался позади окрик. – Хендехох!» «Еб твою мать, - устало произнес про себя Сашка, - они что, издеваются?» По требованию немца, у которого было молодое и испуганное лицо в конопушках, он предъявил поддельный свой «аусвайс». Особо не вчитываясь, немец замахал автоматом и закричал. Сашка понял, что его ведут в комендатуру.

Во дворе комендатуры, располагавшейся в здании райкома партии, бегали и кричали солдаты. Немец затолкал Сашку вовнутрь. Они очутились одни в длинном коридоре, по обе стороны которого были двери кабинетов. «Или сейчас – или никогда», - подумал Сашка. Он резко остановился, схватился за горло, страшно захрипел и повалился навзничь на пол. Немец ударил его ногой и что-то крикнул. Сашка дергался и пускал слюну. «Ну, - думал он, - или он меня сейчас пристрелит, или наклонится посмотреть.» Немец наклонился, вглядываясь в Сашкино лицо. Одной рукой Сашка крепко схватился за автомат, резко притянул к себе немца, а другой потянулся к голенищу...

Послышался приближающийся топот сапог по коридорному полу. Сашка лихорадочно огляделся и увидел стоящий в углу огнемет. С этой штукой он обращаться умел, был у них в отряде точно такой же, трофейный...

Ну вот, считай, и все: он у цели. Осталось только пересечь огород, за которым виднелась темная, покосившаяся изба Захарыча. Сашка оглянулся вокруг – ни души. Он перевел дыхание, вышел из низкого березняка и быстро пошел через картофельное поле. За спиной полыхала комендатура, от которой огонь уже перекинулся на районную баню. Хата Захарыча, покачиваясь, приближалась. Половина огорода уже была позади. Вдруг сзади, прямо около уха, Сашка услышал, как что-то лопнуло, и острая боль обожгла его шею. Из последних сил Сашка побежал. Дверь заперта не была. «Захарыч! Захарыч! Ты дома?» – прохрипел он, преодолевая боль. «Сашка, ты?» - ковылял навстречу обрадованный старик. «Захарыч, выручай!», - Сашка рванул воротник окровавленной рубахи и обнажил шею. «Прорвался, прорвался, - присмотревшись, воскликнул старик, - сам прорвался твой чирей, зря ноги убивал! Ишь, какой вырастил, етить твою мать –

толще шеи будет! Но теперь на убыль пойдет, я только щас самогонкой промою - да и дело с концом! А то, коли хош, и внутрь прими, полежи маленько, а я тебя часа через два разбужу, да и пойдешь с богом, пока темно, а?»

Сашка крепко спал. На лице его светилась счастливая улыбка. Ему снилось, как он, сильный и здоровый, гонит немца с родной земли до самого Берлина. Он твердо знал, что теперь уж его никакой враг остановить не сможет.

Бросок

Степан не хотел рисковать: в этом деле - как саперу - ошибиться можно только один раз. В зарослях ольховника, еще когда до сарая оставалось метров сорок, он снял шмайсер, армейский ремень с пряжкой, вещмешок и тихо уложил между мягкими болотными кочками. Затем вынул из карманов складной нож и компас, снял с руки командирские часы и тоже опустил на землю. Никакого стука, лязга, никакого подозрительного шума Степан допустить не мог – иначе сорвется операция, не простят боевые товарищи.

Степан пополз. Чтобы не выдать себя, он полз очень медленно, то и дело замирая и прислушиваясь. Комарье принялось жрать его с новой силой, как будто понимая его временно беспомощное состояние. «Во, гады, хуже фашистов», - подумал начинавший уже стервенеть от укусов Степан. До кустов боярышника, росших перед сараем, оставалось всего метров пятнадцать. За кустами уже были видны расхаживавшие туда-сюда ноги. Степан перестал ползти, чтобы успокоиться и перевести дыхание. Если бы он мог, он приказал бы сердцу стучать тише. Но, как говорится, сердцу не прикажешь. Степан усмехнулся и вспомнил кухарку отряда Зинаиду, которую он добивался уже с месяц и ради которой и пошел на это задание.

Вот и кусты боярышника. Пока все идет, как по нотам. «Ноги» продолжают нести свою размеренную караульную вахту. Остается метра полтора, не больше. Глаза Степана, обсиженные гнусом, заливают пот. Только бы не треснула какая-нибудь ветка... Медленно, как во сне, Степан вынул из голенища сапога длинный нож.

Теперь все дело в броске – одном стремительном и точном броске. Поспешит на секунду или промедлит мгновение - и бросок будет в никуда. Степан собрался в комок до предела напряженных мышц. Ну вот – «ноги» в самой близкой к нему точке. Как высвобожденная пружина, Степан выпрыгнул из кустов. В броске ему показалось, что он все-таки ошибся на какую-то долю секунды, но в последний момент, самый последний момент, когда он уже падал лицом на пыльную тропинку, его пальцы крепко ухватились за упругий хвост черного петуха с золотым отливом.

Партизанское движение

«Мамаша! Немцы в деревне есть?»

Баба ойкнула, обернулась, но никого не увидела. «А она не такая уж старая», - взгляделся получше Федор и показался из-за кустов.

«Ох ты, напугал до смерти, родимец», - заохала баба.

«Я тебя спрашиваю: немцы в деревне есть?» - строго повторил вопрос Федор.

«Нету, нету, откуда им здесь взяться, - поспешила успокоить баба, - у нас тут ведь глушь лесная, сюда-то и Советская власть...» Она осеклась и посмотрела на Федора из-под рваного платка совсем молодыми и, как ему показалось, дерзкими, глазами.

«Напиться-ка дай», - хрипло сказал Федор.

Баба засемила в сенцы. Федор прошел за ней. Выпив полный корец сладкой колодезной воды, Федор утер рот рукой и довольно крякнул.

«Скотина есть?» - спросил он.

«Нету», - тихо сказала хозяйка, глядя в пол.

«Что ж, без коровы, что ли, живешь?»

«Была корова.»

«Ну, и де она? Сдохла, что ли?»

«Не, ваши забрали. И корову, и поросенка.»

«Что значит – «ваши»?»

«Ну, партизаны...»

«Ты, курва, что несешь? Мы за вас кровь льем, вшей в землянках кормим, мерзнем за вас, голодаем, а ты - «ваши забрали»? Получается, партизаны тебе – не свои, а ?»

«Что ты, что ты – свои, конечно, свои...» - хозяйка перевела влажные свои глаза на березу за окном.

«Мужик твой, рассказывают, тоже нас не признавал, так его быстро пристроили, где он у тебя перевоспитывался – на Колыме?»

«Он Беломорканал строил.»

«Контра, блядь.»

«Он на фронте сейчас. Воюет.»

«Ну, ничего, если вернется, разберемся еще с ним, – Федор начинал терять терпение. - Ну, так ты что стоишь, мне, что, самому в погреб лезть? Тащи жрачку!»

Из погреба был принесен кусок сала. Из печи появился свежеспеченный круглый хлеб. Еще нашлись свежие огурцы и репчатый лук. Вся эта небогатая провизия была выложена на стол. Федор окинул стол взглядом, хмыкнул и одним-единственным, привычным движением смахнул все со стола в вещмешок.

Даже выдавшая виды хозяйка подивилась, каким ловким было это движение.